

Он осторожно приоткрыл дверь своей спальни и прижался лицом к щели между ней и косяком, осматривая холл наверху. Дверь спальни тети и дяди, расположенной в другом конце, была закрыта, но сквозь нее слышался храп дяди - примерно так же, как слышен звук фейерверка, если поднести к нему голову очень близко.

Раннее утреннее солнце проникало в комнату через маленькое окно на вершине лестницы. Из-за того, что он видел стену справа от себя, ему были видны только дверные ручки двух спален и ванной комнаты. Он прислушался, не раздастся ли какой-нибудь звук, не принадлежащий его дяде; в остальном дом казался абсолютно безмолвным. Конечно, гвардейцы Холодного потока могли давать концерт в гостиной. Но узнать об этом было невозможно.

Гарри Поттер приоткрыл дверь своей спальни настолько, что смог пройти внутрь. Он был одет для бега, только кроссовки висели на шнурах на левой руке. Он незаметно прокрался к комнате тети Петунии и дяди Вернона и повернул налево, чтобы спуститься по лестнице. Пока все было хорошо. Храп не позволял ему услышать что-либо ещё, но он надеялся, что это скроет и любой звук, который он мог бы издать. К сожалению, он знал, что никакие звуки не смогут скрыть его запах, исходящий от Гарри.

Проклятье! подумал Гарри, наполовину спустившись по лестнице. Он посмотрел вниз на своего нового заклятого врага, который ждал его, оскалив зубы, с низким рычанием в груди и маленьким хвостом, зловеще подёргивающимся туда-сюда.

Гарри сузил глаза, глядя на Дюнкерка. Это уже надоело. Он пробыл дома почти неделю, а отношения с маленьким йоркширским терьером не улучшались, а ухудшались: Дюнкерк не смог впиться зубами в руку Гарри при первой же попытке погладить его.

Выходить из дома, чтобы бегать по утрам, становилось все труднее. Гарри начал задумываться о том, что делает его тетя с собакой грязного цвета, пока они с дядей каждый день занимаются своими делами. Он представлял, как она дает Дюнкерку его фотографии и награждает собаку любовью и кормом, если ей удастся тщательно уничтожить изображения Гарри. Собаки - существа условные, знал он. Павлов был едва ли не первым, кто это обнаружил.

Он обдумал возможные варианты: перепрыгнуть через перила и помчаться на кухню, надеясь, что успеет выйти через заднюю дверь до того, как Дюнкерк доберется до него, или же перепрыгнуть через него и броситься к входной двери, расположенной всего в десяти футах от подножия лестницы.

Наконец он перекинул ногу через перила. Маленькая собака бросилась в коридор, чтобы перехватить его, но Гарри быстро спустился по лестнице и остановился, чтобы схватиться за ручку входной двери.

Но собака уже настигла его, повернулась и настигла его слишком быстро, чтобы Гарри успел убежать. Пес впился зубами в носок Гарри выше пятки, но, хотя зубы и царапали кожу, не зацепились за плоть Гарри. Гарри поднял ногу, и цепкий пес повис на носке, держась за него зубами. Он несколько раз тряхнул ногой, но собака продолжала цепляться.

"Джерофф! Глупое животное..." - ворчал он, стоя на одной ноге и продолжая раскачивать Дюнкерка в воздухе. Носок растягивался и с каждым ударом все больше соскальзывал с ноги. Но терьер держался.

"Гарри задыхался, пытаясь стряхнуть собаку. Без предупреждения носок соскользнул с ноги, и пес полетел по коридору, носок все еще был у него в пасти. Он тяжело приземлился на все четыре свои маленькие ножки, на мгновение пошатнувшись. Гарри тяжело дышал, в нем кипел гнев. Внезапно он понял, что может отбросить Дюнкерка раз и навсегда.

Он уставился на собаку и сосредоточился на том, чтобы все изменить, и через секунду уже стоял на четвереньках в собственном парадном холле, его грива щекотала спину, длинный хвост вздымался, а по всему телу разносилось низкое урчание.

Глаза йоркширского терьера стали такими огромными, что Гарри увидел белое пятно по их краям. Его челюсть отвисла, и носок упал на пол. Гарри издал тихий рык, едва ли хоть на долю громкий, как храп Вернона Дурсля, а маленький зверек тихонько заскулил от страха, проскочив в гостиную через слегка приоткрытую дверь и исчезнув под пуфиком, его хвост цвета буффа все еще виднелся под покрывалом. Гарри вернулся в человеческий облик и, с болью в суставах, встал в дверях гостиной. Обнаженный хвост собаки энергично трясся. На мгновение ему стало немного стыдно, что он напугал маленькую собачку, превратившись в льва.

Дюнкерк поднялся с пуфика и, заметив Гарри, снова бросился на него со всех ног, как будто ничего не изменилось. Гарри быстро захлопнул дверь. Он слышал, как Дюнкерк с другой стороны яростно скребется по дереву, пытаясь открыть ее, и непрерывно рычит. Гарри перестал его жалеть. Чтобы Дюнкерк оставил его в покое, очевидно, потребуется нечто большее, чем один раз увидеть, как Гарри превращается в золотого грифона.

Гарри поднял носок с пола в холле и начал надевать его обратно, но он был пропитан собачьей слюной и растянулся. С испорченным носком он дошел до своей комнаты, выбросил его в мусор и достал свежий. Вернувшись в холл, он сел на ступеньки, чтобы завязать шнурки на кроссовках. Он позволил маленькой глупой собаке (которая все еще нападала на дверь гостиной) добраться до него, а сам занимался магией вне школы. Он не думал, что кто-то узнает об этом - ему не нужно было регистрироваться как Анимагус до окончания седьмого года обучения, - но все же ему нужно было проявлять сдержанность. Если бы тетя Петунья или дядя Вернон увидели это, подумал он, то поплатились бы за это.

Уходя, он всё ещё слышал, как Дюнкерк скребётся в дверь. Он тряхнул головой и вышел в яркое летнее утро, втягивая в легкие прохладный, еще не остывший от росы воздух, когда его ноги стучали по тротуару. Он бежал в сторону деревни, сознательно решив идти другим маршрутом, чем с Дадли и Гермионой. Раньше, выходя из дома, он поворачивал налево, а теперь - направо: шпиль собора Святого Беды и часовая башня его старой школы возвышались над домами и магазинами, становясь все больше по мере того, как он приближался к ним. Он никогда не обращал внимания на причудливую деревню Литтл Уингинг, просто ему приходилось жить там вместе с Дурслями. Ему не с чем было сравнивать, он никогда и нигде не бывал (в мире Магл). В мире волшебников он тоже мало где бывал, но сейчас он побывал в опере и на празднике в ратуше Хогсмиды, а также на вечеринке в частном доме в Хогсмиде. Он

также побывал в Министерстве магии в Лондоне.

Гарри начал замедлять шаг, прежде чем остановиться, а затем положил руку на каменные столбы ворот у входа на кладбище. После минутного колебания он вошел внутрь. Он быстро добрался до могилы Дадли. Он взглянул на курган грязи, который все еще был выше, чем окружающая трава. Кто-то разбросал в земле семена травы, и уже начали пробиваться маленькие зеленые ростки. Скоро камень (которого еще не было) станет единственным признаком того, где был похоронен Дадли; земля снова станет плоской, вся поросшая бесконечной травой. Земля к земле, прах к праху.

Гарри отвернулся от могилы Дадли и пошёл к холму, где, как он теперь знал, были похоронены его родители. Он опустился на колени у их камня и выдернул сорняки из травы, покрывавшей их. Измельчив сорняки пальцами, он разложил их вокруг корней лилий, которые посадил по обе стороны от камня. Он посадил их за два дня до этого; ему нравилось приходить на их могилу по утрам и спокойно сидеть. Иногда он задумывался, не поговорить ли ему с ними или с Дадли, но, несмотря на то что он был совершенно один, эта мысль смущала его. Он не любил разговаривать с мертвецами. Его раздражало, когда это делали в телепередачах или фильмах, в основном для того, чтобы зрители могли услышать мысли человека. Он бы чувствовал себя неловко, если бы делал это.

Спустя некоторое время Гарри ласково похлопал по камню и ушёл, чтобы продолжить свой бег. Когда он вернулся на Тисовую улицу, тётя и дядя не увидели его превращения в золотого грифона, но его всё равно ждал ад. Открыв дверь, он сразу же соскучился по тишине и спокойствию дядиногo храпа. Его голова тут же запульсировала - как от шума, так и от того, что он пытался воспринимать лишь обрывки предложений.

"...мог бы пострадать, бедный ребенок..."

"...твоя тетя в истерике..."

"...плакала и плакала..."

"...на моем любимом кресле..."

"...просто милый маленький ребенок..."

"...дверь нужно покрасить, везде царапины..."

Гарри вздрогнул, когда дядя схватил его за ухо и потянул в гостиную, чтобы посмотреть на глубокие царапины, которые собака нанесла на краску с внутренней стороны двери. Мне что, шесть лет? подумал он.

"Джерофф!" - закричал он, вырываясь из хватки дяди. "Он напал на меня! Я просто пытался

выбраться!" Он с удивлением обнаружил, что выше их обоих. Когда это случилось? Не то чтобы это было полезно в данный момент.

В дверях стояла его тетя Петунья, прижимая к себе Дюнкерка, как ребенка. "У него клаустрофобия! Он испугался. Разве ты не испугался, мой маленький Дюнкерк?" - ворковала она.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/105837/3765995>